

ШЕФНЕР ВАДИМ

СТИХИ

В. С. Шефнер родился 30 декабря 1914 года (12 января 1915) в Петрограде. Является внуком Алексея Карловича Шефнера, капитан-лейтенанта, основателя порта Владивосток.

Почти всё детство и юность провёл в Петрограде-Ленинграде. Но в 1921 году семья уехала в Старую Руссу к месту службы отца, спустя некоторое время вернулся в Петроград. После школы окончил ФЗУ, в 1930-е годы был рабочим на различных ленинградских заводах. Писать стихи начал в детстве. В 1933 году опубликовал в журнале «Резец» первое стихотворение («Баллада о кочегаре»). С 1938 года занимался в поэтическом семинаре-студии «Молодёжное объединение».

В первые месяцы Великой Отечественной войны был рядовым в батальоне аэродромного обслуживания под Ленинградом, с 1942 года — фронтовой корреспондент газеты Ленинградского фронта «Знамя победы». В послевоенные годы наряду с поэтическим творчеством также занимался стихотворным переводом — с китайского языка, с санскрита и пракрытов и с языков союзных республик СССР (грузинского, белорусского, латышского и др.). Прозу публиковал в журналах («Литературный современник», «Звезда» и др.) с 1940 года.

Умер 5 января 2002 года в Санкт-Петербурге. Отпевание прошло во Владимирском соборе 8 января. Похоронен на Кузьмолловском кладбище (Всеволожский район, Ленинградская область).

Вадим Шефнер

* * *

А в старом парке листья жгут,
Он в сизой дымке весь.
Там листья жгут и счастья ждут,
Как будто счастье есть.

Но счастье выпито до дна
И сожжено дотла,-
А ты, как ночь, была темна,
Как зарево - светла.

Я все дороги обойду,
Где не видать ни зги,
Я буду звать тебя в бреду:
"Вернись - и снова лги.

Вернись, вернись туда, где ждут,
Скажи, что счастье - есть".

А в старом парке листья жгут,
Он в сизой дымке весь...
Август 1945

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Дождя серебряные молоточки
Весеннюю выстукивают землю,
Как миллион веселых докторов.

ВЕЩИ

Умирает владелец, но вещи его остаются,
Нет им дела, вещам, до чужой, человеческой беды.
В час кончины твоей даже чашки на полках не бьются
И не тают, как льдинки, сверкающих рюмок ряды.

Может быть, для вещей и не стоит излишне стараться,-
Так покорно другим подставляют себя зеркала,
И толпою зевак равнодушные стулья толпятся,
И не дрогнут, не скрипнут раненые ноги стола.

Оттого, что тебя почему-то не станет на свете,
Электрический счетчик не завертится наоборот,
Не умрет телефон, не засветится пленка в кассете,
Холодильник, рыдая, за гробом твоим не пойдет.

Будь владыкою их, не отдай им себя на закланье,
Будь всегда справедливым, бесстрастным хозяином их,-
Тот, кто жил для вещей,- все теряет с последним
дыханьем,
Тот, кто жил для людей,- после смерти живет среди
живых.

1957

ВИАДУК

Стою на крутом виадуке,
Как будто подброшенный ввысь.
Внизу там — речные излуки,
Там рельсы, как струи, слились.

Там горбится снег подзаборный
И плачет, ручьи распустив;
Там плавает лебедем черным
Маневровый локомотив.

Пакгаузы, мир привокзалья,
Цистерны — как поплавки.
С какой деловитой печалью
Звучат из тумана гудки!

И мне так просторно и грустно,
Как будто во сне я стою
Среди ледоходного хруста,
У счастья на самом краю.

И тянет с туманных перронов
Весенней прохладой речной,
И мокрые спины вагонов,
Качаясь, плывут подо мной.
1966

ВОЕННЫЕ СНЫ

Нам снится не то, что хочется нам,-
Нам снится то, что хочется снам.
На нас до сих пор военные сны,
Как пулеметы, наведены.

И снятся пожары тем, кто ослеп,
И сытому снится блокадный хлеб.

И те, от кого мы вестей не ждем,
Во сне к нам запросто входят в дом.

Входят друзья предвоенных лет,
Не зная, что их на свете нет.

И снаряд, от которого случай спас,
Осколком во сне настигает нас.

И, вздрогнув, мы долго лежим во мгле,-
Меж явью и сном, на ничье земле,
И дышится трудно, и ночь длинна...
Камнем на сердце лежит война.
1966

ВОИН

Заплакала и встала у порога,
А воин, сев на черного коня,
Промолвил тихо: "Далека дорога,
Но я вернусь. Не забывай меня."

Минуя поражения и беды,
Тропой войны судьба его вела,
И шла война, и в день большой победы
Его пронзила острая стрела.

Средь боевых друзей - их вождь недавний -
Он умирал, не веруя в беду,-
И кто-то выбил на могильном камне
Слова, произнесенные в бреду.

.....

Чертополохом поросла могила,
Забыты прежних воинов дела,
И девушка сперва о нем забыла,

Потом состарилась и умерла.

Но, в сером камне выбитые, строго
На склоне ослепительного дня
Горят слова: "Пусть далека дорога,
Но я вернусь. Не забывай меня."
1939

ГЛОТОК

До обидного жизнь коротка,
Не надолго венчают на царство,-
От глотка молока до глотка
Подносимого с плачем лекарства.

Но меж теми глотками - заметь!-
Нам немало на выбор дается:
Можно дома за чаем сидеть,
Можно пить из далеких колодцев.

Если жизнь не легка, не гладка,
Если в жизни шагаешь далеко,
То не так уж она коротка,
И бранить ее было б жестоко.

Через горы, чащобы, пески,
Не боясь ни тумана, ни ветра,
Ты пошел от истоков реки -
И до устья дошел незаметно.

Вот и кончен далекий поход,-
Не лекарство ты пьешь из стакана:
Это губы твои обдает
Горьковатая зыбь Океана.
1961

ГОРОДСКОЙ САД

Осенний дождь - вторые сутки кряду,
И, заключенный в правильный квадрат,
То мечется и рвется за ограду,
То молчаливо облетает сад.

Среди высоких городских строений,
Над ворохами жухлого листа,

Все целомудренней и откровенней
Деревьев проступает нагота.

Как молода осенняя природа!
Средь мокрых тротуаров и камней
Какая непритворная свобода,
Какая грусть, какая щедрость в ней!

Ей всё впервой, всё у нее - вначале,
Она не вспомнит про ушедший час, -
И счастлива она в своей печали,
Н ничего не надо ей от нас.

1960

ГРЕШНИКИ

В грехах мы все — как цветы в росе,
Святых между нами нет.
А если ты свят — ты мне не брат,
Не друг мне и не сосед.

Я был в беде — как рыба в воде,
Я понял закон простой:
Там грешник приходит на помощь, где
Отвертывается святой.

1962

ДВИЖЕНИЕ

Как тревожно трубят старики паровозы,
Будто мамонты, чуя свое вымирание,—
И ложится на шпалы, сгущается в слезы
Их прерывистое паровое дыханье.

А по насыпи дальней неумоимо,
Будто сами собой, будто с горки незримой,
Так легко электрички проносятся мимо —
Заводные игрушки без пара и дыма.

И из тучи, над аэродромом нависшей,
Устремляются в ночь стреловидные крылья,
Приближая движенье к поэзии высшей,
Где видна только сила, но скрыты усилья.

1962

ДЕТСТВО

Ничего мы тогда не знали,
Нас баюкала тишина,
Мы цветы полевые рвали
И давали им имена.

А когда мы ложились поздно,
Нам казалось, что лишь для нас
Загорались на небе звезды
В первый раз и в последний раз.

...Пусть не все нам сразу дается,
Пусть дорога жизни крута,
В нас до старости остается
Первозданная простота.

Ни во чьей (и не в нашей) власти
Ощутить порою ее,
Но в минуты большого счастья
Обновляется бытие,

И мы вглядываемся в звезды,
Точно видим их в первый раз,
Точно мир лишь сегодня создан
И никем не открыт до нас.

И таким он кажется новым
И прекрасным не по летам,
Что опять, как в детстве, готовы
Мы дарить имена цветам.

ДО ПРОМЕТЕЯ

Костер, похрустывая ветками,
Мне память тайную тревожит,—
Он был зажжен в пещерах предками
У горно-каменных подножий.

Как трудно было им, единственным,
На человеческом рассвете.
На неуютной и таинственной,
На необстроенной планете.

Быть может, там был каждый гением

(Бездарность выжила б едва ли) —
С таким бессмертным удивлением
Они нам землю открывали.

На них презрительными мордами,
Как на случайное уродство,
Посматривали звери, гордые
Своим косматым первородством.

Мы стали опытными, взрослыми,
А предки шли призывниками,
Как смертники, на подвиг посланные
Предшествующими веками.

...Еще не поклонялись идолам,
Еще анналов не писали...
А Прометей был после выдуман,—
Огонь они добыли сами.
1965

ДОМ КУЛЬТУРЫ

Вот здесь, в этом Доме культуры
Был госпиталь в сорок втором.
Мой друг, исхудалый и хмурый,
Лежал в полумраке сыром.

Коптилки в зале мигали,
Чадила печурка в углу,
И койки рядами стояли
На этом паркетном полу.

Я вышел из темного зданья
На снег ленинградской зимы,
Я другу сказал «до свиданья»,
Но знал, что не свидимся мы.

Я другу сказал «до свиданья»,
И вот через много лет
Вхожу в это самое зданье,
Купив за полтинник билет.

Снежинки с пальто отряхая,
Вхожу я в зеркальную дверь.
Не едкой карболкой — духами

Здесь празднично пахнет теперь.

Где койки стояли когда-то,
Где умер безвестный солдат,
По гладким дубовым квадратам
Влюбленные пары скользят.

Лишь я, ни в кого не влюбленный,
По залу иду стороной,
И тучей железобетонной
Плывет потолок надо мной.

...С какою внезапною властью
За сердце берет иногда
Чужим подтвержденная счастьем
Давнишняя чья-то беда!
1962

ЗАБЫВАНИЕ

Если помнить всё на свете,
Ставить всё в вину судьбе,—
Мы бы, как в потемках дети,
Заблудились бы в себе.

Утонув в обидах мелких,
Позабыв дороги все,
Мы кружились бы, как белки
В безысходном колесе.

Памяти союзник строгий
Забывание — оно
За нее всегда в тревоге,
Вечно вдаль устремлено.

Глядя в облачные дали,
Слыша дальние грома,
Зерна счастья и печали
Честно сыпьте в закрома,—

Отметая от бывшего
За незримую черту
Цепкой зависти полове,
Мелких распрей суету.

Очищайте забываньем
Закрома души своей,—
Чтобы хлеб воспоминаний
Не горчил на склоне дней.
1966

ЗАБЫВАЮТ

Забывают, забывают -
Будто сваи забивают,
Чтобы строить новый дом.
О великом и о малом,
О любви, что миновала,
О тебе, о добром малом,
Забывают день за днем.

Забывают неумело
Скрип уключин ночью белой,
Вместе встреченный рассвет.
За делами, за вещами
Забывают, не прощая,
Все обиды прошлых лет.

Забывают торопливо,
Будто прыгают с обрыва
Иль накладывают жгут...
Забывают, забывают -
Будто клады зарывают,
Забывают -
 как сгорают,
Забывают -
 будто жгут.

Забывают кротко, нежно,
Обстоятельно, прилежно,
Без надсады и тоски.
Год за годом забывают -
Тихо-тихо обрывают
У ромашки лепестки.

Не печалься, друг сердечный:
Цепь забвенья - бесконечна,
Ты не первое звено.
Ты ведь тоже забываешь,
Забываешь, забываешь -

Будто якорь опускаешь
На таинственное дно.
1974

ЗЕРКАЛО

Как бы ударом страшного тарана
Здесь половина дома снесена,
И в облаках морозного тумана
Обугленная висится стена.

Еще обои порванные помнят
О прежней жизни, мирной и простой,
Но двери всех обрушившихся комнат,
Раскрытые, висят над пустотой.

И пусть я все забуду остальное -
Мне не забыть, как, на ветру дрожа,
Висит над бездной зеркало стенное
На высоте шестого этажа.

Оно каким-то чудом не разбилось.
Убиты люди, стены сметены,-
Оно висит, судьбы слепая милость,
Над пропастью печали и войны.

Свидетель довоенного уюта,
На сыростью изъеденной стене
Тепло дыханья и улыбку чью-то
Оно хранит в стеклянной глубине.

Куда ж она, неведомая, делась
Иль по дорогам странствует каким,
Та девушка, что в глубь его гляделась
И косы заплетала перед ним?..

Быть может, это зеркало видало
Ее последний миг, когда ее
Хаос обломков камня и металла,
Обрушась вниз, швырнул в небытие.

Теперь в него и день и ночь глядится
Лицо ожесточенное войны.
В нем орудийных выстрелов зарницы
И зарева тревожные видны.

Его теперь ночная душит сырость,
Слепят пожары дымом и огнем,
Но все пройдет. И, что бы ни случилось,-
Враг никогда не отразится в нем!
1942, Ленинград

КАМНИ ПОД АСФАЛЬТОМ

Самосвал с дымящеюся лавою,
Выхлопов летучие дымки...
Словно тучи, грузно-величавые
Двигутся дорожные катки.

К вечеру зальют асфальтом улицу -
Скроются булыжины от нас.
Молча камни на небо любуются,
Видя белый свет в последний раз.

С "москвичами", "волгами", прохожими,
Зорями, рекламами кино,
С днями, друг на друга не похожими,
Им навек проститься суждено.

Я и сам за скорое движение,
В тряске я удобств не нахожу,
Я люблю асфальт,-
но с уважением
На каменья старые гляжу.

Много здесь поезжено, похоже
В давние нелегкие года,
Много в мостовую эту вложено
Горького, безвестного труда.

Крепостным голодным было любо ли
Камни эти на горбу таскать!
Если бы не их булыга грубая -
Нашему б асфальту не бывать.

Здесь рабочие за баррикадами,
Царский отражая батальон,
Замертво на эти камни падали,
Боевых не выронив знамен.

В их руках мозолистых, натруженных
Каждый камень яростью дышал -
Безоружных первое оружие,
Бунтарей булыжный арсенал!

В дни, октябрьским светом озаренные,
К схватке изготовясь штыковой,
Шли матросы революционные
По булыжной этой мостовой.

И, шагая в бой по зову Партии
На защиту Родины своей,
Первые отряды Красной гвардии
Шаг свой отпечатали на ней.

Помнят ночи длинные, бессонные,
Голод, и блокаду, и войну
Эти камни, кровью окропленные,
Камни, не бывавшие в плену!..

Помнят ополчение всенародное,
Помнят, как по этой мостовой
Танки на позиции исходные
К недалекой шли передовой.

...Пусть, полна движенья, обновленная
Улица смеется и живет,
Пусть к Дворцовой площади колоннами
В праздники идет по ней народ.

Пусть поет и торжествует новое,-
Не столкнуть с пути нас никому!

Под асфальтом камни спят суровые,
Основаньем ставшие ему.
1958

КАСКА

Молчит, сиротлив и обижен,
Ветлы искореженный ствол,
Заброшенный пруд неподвижен
И густ, будто крепкий рассол.

Порою, как сонное диво,
Из тьмы травяной, водяной
Лягушка всплывает лениво,
Блестя огуречной спиной.

Но мальчик пришел с хворостиной -
И нет на пруду тишины;
Вот каску, обросшую тиной,
Он выудил из глубины.

Без грусти, без всякой заботы,
Без всякой заботы,
Улыбкой блестя озорной,
Берет он советской пехоты
Тяжелый убор головной.

Воды зачерпнет деловито -
И слушает, как вода
Струится из каски пробитой
На гладкую плоскость пруда.

О добром безоблачном небе,
О днях без утрат и невзгод,
Дрожа, как серебрянный стебель,
Ему эта струйка поет.

Поет ему неторопливо
О том, как все тихо кругом,
Поет об июне счастливом,
А мне о другом, о другом...
1961

* * *

Кого-то нет, кого-то нет...
В одной квартире старой
Висит гитара давних лет,
Умолкшая гитара.

Ее владельца ожидать
Нелепо, бесполезно,-
Унесена его кровать
К соседям безвозмездно.

Но кто-то всё не верит в быль,

Что нет его навеки,
Но кто-то отирает пыль
С потрескавшейся деки.

И, слушая, как вечерком,
Не помня песен старых,
Бренчат ребята за окном
На новеньких гитарах,

Всё смотрит вдаль из-под руки -
Во мрак, в иные зори -
И ждет, что прозвучат шаги
В пустынном коридоре.

* * *

Легки они, и участь их легка,
Тревоги нет в полете молчаливом,-
Как мотыльки на пламя, облака
Летели к солнцу над заливом.

Как лепестки неведомых цветов,
Развеянные бури отдаленной,
Они летели над водой зеленой,
Чтобы упасть у дальних берегов.

А здесь камыш цеплялся за весло,
Безвольный руль петлял, чертил зигзаги...
И нас к закату по усталой влаге
Неверное течение несло.

ЛЕСНОЙ ПОЖАР

Забывчивый охотник на привале
Не разметал, на растоптал костра.
Он в лес ушел, а ветки догорали
И нехотя чадили до утра.

А утром ветер разогнал туманы,
И ожил потухающий костер
И, сыпля искры, посреди поляны
Багровые лохмотья распростер.

ЛЬДИНА

Льдина — хрупкая старуха —
Будет морю отдана.
Под ее зеркальным брюхом
Ходит гулкая волна.

Всё худеет, всё худеет,
Стала скучной и больной.
А умрет — помолодеет,
Станет морем и волной.

Улыбнется из колодца,—
Мол, живется ничего.
Так бессмертие дается
Всем, не ищущим его.

...Глянет радугой прекрасной
В окна комнаты моей:
Ты жалел меня напрасно,
Самого себя жалеи.
1966

* * *

Любовь минувших лет, сигнал из неоткуда,
Песчинка, спящая на океанском дне,
Луч радуги в зеркальной западне...
Любовь ушедших дней, несбывшееся чудо,
Нечасто вспоминаешься ты мне.
Прерывистой морзянкою капли
Порой напомним об ином апреле,
Порою в чьей-то промелькнешь строке...
Ты где-то там, на дальнем, смутном плане,
Снежинка, пролетевшая сквозь пламя
И тихо тающая на щеке.
1976

МИГ

Не привыкайте к чудесам -
Дивитесь им, дивитесь!
Не привыкайте к небесам,
Глазами к ним тянитесь.

Приглядывайтесь к облакам,

Прислушивайтесь к птицам,
Прикладывайтесь к родникам,
Ничто не повторится.

За мигом миг, за шагом шаг
Впадайте в изумленье.
Все будет так - и все не так
Через одно мгновенье.
1964

* * *

Мы явлениям, и рекам, и звездам даем имена,
Для деревьев названья придумали мы, дровосеки,
Но не знает весна, что она и взаправду весна,
И, вбежав в океан, безымянно сплетаются реки.

Оттого, что бессмертия нет на веселой земле,
Каждый день предстает предо мною как праздник нежданный,
Каждым утром рождаясь в туманной и радужной мгле,
Безымянным бродягой вступаю я в мир безымянный.
1946

НА ОЗЕРЕ

Это легкое небо - как встарь - над моей головой.
Лишь оно не стареет с годами, с летами.

Порастают озера высокой спокойной травой,
Зарастают они водяными цветами.

Ты на камне стояла, звала меня смуглой рукой,
Ни о чем не грустя и судьбы своей толком не зная.

Отраженная в озере, только здесь ты осталась такой,-
На земле ты иная, иная, иная.

Только здесь ты еще мне верна, ты еще мне видна,-
Но из глуби подкрадывается забвенье.

Не спеша к тебе тянутся тихие травы со дна,
Порастают кувшинки сквозь твое отраженье.

Ты порой встрепнешься от ветра, порою на миг
Улыбнешься стрекозам, над тобой летящим.

Но осенние тучи, зацепившись за тонкий тростник,
На лицо наплывают все чаще и чаще.

1964

НА ОСЕННЕМ РАССВЕТЕ

На осеннем рассвете в туман ковыляет дорога,
Оловянные лужи мерцают у дачных оград,
Над опавшей осиною мигает звезда-недотрога,
И на темных кустах полотенца тумана висят.

Как грустна и просторна земля на осеннем рассвете!
Сам не верю, сейчас, в этой сонной предутренней мгле,
Что нашел я тебя на такой необъятной планете,
Что вдвоем мы идем по прекрасной осенней земле.

1957

* * *

На станции гудели паровозы,
Скрипели у колодцев журавли,
И алые, торжественные розы
За пыльными оградами цвели.

Мы у реки встречались вечерами,
Мы уходили в дальние поля,
Туда, где за песчаными буграми
Дышала давней тайною земля.

Там и поныне у речной излуки,
На полдороге к дому твоему,
В пустую ночь заламывая руки,
Былое наше ищет нас!
К чему?!

Есть много в мире белых роз и алых,
Есть птицы в небе и в ручьях вода,
Есть жизнь и смерть.

Но ни с каких вокзалов
В минувшее не ходят поезда.

1943

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

Нас не обманешь божьим раем:
Бессмертья нет,— мы это знаем.
Но все ль развеется в былом?
Наследственность бессмертной птицей
Влюбленным на плечи садится
И осеняет их крылом.

Нет, дело не в портретном сходстве,—
Вся жизнь твоя бросает отсвет
В далекий день, в грядущий род.
Она души твоей чертами,
Она делами и мечтами
В твоих потомках оживет.

Самой природой ты допущен
В мир предстоящий, наступающий,
И от тебя зависит он.
Пусть не расчетливостью черствой,—
Пусть добротой и упорством
Ты в ком-то будешь отражен.

Знай: мы в забвение не канем,
Как в пропасть падающий камень,
Как пересохшая река.
Наследственность бессмертной птицей
Влюбленным на плечи садится,
Зовет в грядущие века.
1962

НАСЛЕДУЮЩИЙ ЗЕМЛЮ

Воспеваем всякий транспорт,
Едущих на нем и в нем,
И романтикой пространства
Нынче век заморожен.

Но пока летаем, ездим
И других зовем в полет,
Кто-то трудится на месте
И безвыездно живет.

Он отцовского селенья
Не сменял на города,
И не ждет перемещенья,

И не мчится никуда.

По изведанным полянам
Он шагает, как в дому,
И травинки крупным планом
Открываются ему.

И пока спешим и спорим,
Одному ему слышна
Наливающихся зерен
Трудовая тишина.

Раньше всех он что-то понял,
Что-то в сердце уберег,—
И восходит символ Поля
Над символикой дорог.
1965

* * *

Не пиши о том, что под боком,
Что изведано вполне,—
Ты гони стихи за облаком,
Приучай их к высоте.

Над горами и над пашнями
Пусть взвиваются они,—
Ты стихи не одомашнивай,
На уют их не мани!

Не давай кормиться около
Мелких радостей и смут,—
Пусть взывают, будто соколы,
В холод, в синий неуют!

Изнемогши и заиндевав,
С неподкупной вышины
То, что никому не видимо,
Разглядеть они должны!
1963

* * *

Нет, ночи с тобою мне даже не снятся,-
Мне б только с тобою на карточке сняться,
Мне б только пройти бы с тобою весною

Лазоревым лугом, тропюю лесною.

С тобой не мечтаю я утром проснуться,-
Мне б только руки твоей тихо коснуться,
Спросить: "Дорогая! скажи мне на милость,
Спалось ли спокойно и снов ли не снилось?"

Спросить: "Дорогая! за окнами ели
Не слишком ли за полночь долго шумели,
Не слишком ли часто автомобили
На дальнем шоссе понапрасну трубили?..

Не слишком ли долго под вечер смеркалось,
Не слишком ли громко рыба плескалась,
Не слишком ли долго кукушка скучала,
Не слишком ли громко сердце стучало?"

1940

НОЧНАЯ ЛАСТОЧКА

Кто белой ночью ласточку испугнул,-
Полет ли дальнего ракетносца
Или из бездны мирозданья гул,
Неслышный нам, в гнездо ее донесся?

Она метнулась в воздухе ночном,
И крылья цвета вороненой стали
Цветущий мир, дремавший за окном,
Резнули дважды по диагонали.

Писк судорожный, звуковой надрез
Был столь пронзителен, как будто разом
Стекольщик некий небеса и лес
Перекрестил безжалостным алмазом.

И снова в соснах дремлет тишина,
И ели - как погашенные свечи,
И этот рай, что виден из окна,
Еще прекрасней, ибо он не вечен.

ОБИДА

Природа неслышно уходит от нас.
Уходит, как девочка с праздника взрослых.

Уходит. Никто ей вдогонку не послан.
Стыдливо и молча уходит от нас.

Оставив деревья в садах городских
(Заложников — иль соглядатаев тайных?),
Уходит от камня, от взоров людских,
От наших чудес и от строчек похвальных.

Она отступает, покорно-скромна...
А может, мы толком ее и не знали?
А вдруг затаила обиду она
И ждет, что случится неладное с нами?

Чуть что — в наступленье пойдут из пустынь
Ползучие тернии — им не впервые,
И маки на крыши взлетят, и полынь
Вопьется в асфальтовые мостовые.

И в некий, не мною назначенный год,
В места наших встреч, и трудов, и прощаний
Зеленое воинство леса войдет,
Совиные гнезда неся под плащами.
1965

ОДНАЖДЫ В ТАЙГЕ

На откосе крутого оврага,
Там, где не было встреч и разлук,
Красота, как медовая брага,
Закружила мне голову вдруг.

Я шагнул по нетоптаной глине,
Я нагнулся — и чистый родник,
Одиноко журчавший доньне,
Благодарно к ладоням приник.

И в кипенье, в хрустальных изломах
Отразил он сверкание дня,
И доверчиво ветви черемух
Наклонились, касаясь меня.

Их цветы засияли, как звезды,
Будто славя рожденье свое,—
Будто я красоту эту создал
Тем, что первым увидел ее...

1963

ОЖИДАНИЕ

За пятьдесят, а все чего-то жду.
Не бога и не горнего полета,
Не радость ожидаю, не беду,
Не чуда жду - а просто жду чего-то.

Хозяин вечный и недолгий гость
Здесь на Земле, где тленье и нетленье,
Где в гордые граниты отлилось
Природы длительное нетерпенье,-

Чего-то жду, чему названья нет,
Жду вместе с безднами и облаками.
Тьма вечная и негасимый свет -
Ничто пред тем, чего я жду веками.

Чего-то жду в богатстве и нужде,
В години бед и в годы созиданья;
Чего-то жду со всей Вселенной, где
Материя - лишь форма ожиданья.

ОСТРОВА ВОСПОМИНАНИЙ

В бесконечном океане
Пролегает курс прямой.
Острова Воспоминаний
Остаются за кормой.

Там дворцы и колоннады,
Там в цветы воплощены
Все минувшие услады
И несбывшиеся сны.

Но, держа свой путь в тумане,
Бурями держа свой путь,
К Островам Воспоминаний
Ты не вздумай повернуть!

Знай — по мере приближенья
Покосятся купола,
Рухнут стройные строенья —

Те, что память возвела.

Станет мир немым и пресным,
Луч померкнет на лету,
Девушка с лицом прелестным
Отшатнется в пустоту.

И, повеяв мертвечиной,
В сером пепле, нищ и наг,
Канет в черную пучину
Сказочный архипелаг.

Ты восплачешь, удрученный,—
В сердце пусто и темно,
Словно бурей мегатонной
Всё былое сметено...

Знай — в минувшем нет покоя.
Ты среди штормов и тревог
Береги свое былое —
Не ищи к нему дорог.

Только тот, кто трудный, дальний
Держит путь среди зыбей,
Острова Воспоминаний
Сохранит в душе своей.
1962

* * *

Екатерине Григорьевой

Отлетим на года, на века,—
Может быть, вот сейчас, вот сейчас
Дымно-огненные облака
Проплывут под ногами у нас.

И вернемся, вернемся опять
Хоть на час, хоть на десять минут.
Ничего на Земле не узнать,
В нашем доме другие живут.

В мире нашем другие живут,
В море нашем — не те корабли.
Нас не видят, и не узнают,

И не помнят, где нас погребли.

Не встречают нас в прежнем жилье
Ни цветами, ни градом камней,—
И не знает никто на Земле,
Что мы счастливы были на ней.
1967

* * *

Отступление от Вуотты,
Полыхающие дома...
На земле сидел без заботы
Человек, сошедший с ума.

Мир не стоил его вниманья
И навеки отхлынул страх,
И улыбка всепониманья
На его блуждала губах.

Он молчал, как безмолвный Будда,
Все сомненья швырнув на дно,—
Это нам было очень худо,
А ему уже — все равно.

Было жаль того человека,
В ночь ушедшего дотемна,—
Не мертвец был и не калека,
Только душу взяла война.

.....

Не от горя, не от оружия,
Не от ноши не по плечу,—
От безумного равнодушья
Я себя убересть хочу.

В мире радостей и страданья,
В мире поисков без конца,
Я улыбку всепониманья
Терпеливо гоню с лица.
1969

ПЕРВОПУТНИК

Дорога может быть проложена

Одним — его забудут имя.
А после сколько будет хожено
И езжено по ней другими!

Чем путь верней и несомненное —
Следов тем больше остается,
И тем трудней под наслоениями
Увидеть след первопроходца.

Но пешеходная ли, санная
Или с фельдъегерскою прытью —
Дорога будет та же самая,
Меняться будут лишь события.

Она булыгою оденется,
Потом гудрон на щебень ляжет —
Не раз ее одежда сменится,
Но суть останется всё та же.

На ней делиться будут мыслями,
Спешить на свадьбы и сражения,
Смеяться, плакать — независимо
От способа передвижения.

.....

Автомобильная механика
Придет на смену тяге конной,—
А там следы босого странника
Лежат под лентою бетонной.
1965

ПЕРВЫЙ МОСТ

...И вот он вырвался из чащи
По следу зверя. Но поток,
В глубокой трещине урчащий,
Ему дорогу пересек.

На берегу другом - добыча,-
Для всей семьи его - еда:
Нетронутые гнезда птичьи,
Косуль непуганых стада...

Себе представив на мгновенье
Закрытый для него простор,
Затылок он в недоуменье

Косматой лапою потер.

И брови на глаза нависли,
И молча сел на камень он,
Весь напряженьем первой мысли,
Как судорогою, сведен.

И вдруг - голодный, низколобый -
Он встал, упорен и высок.
Уже с осмысленною злобой
В ревуший заглянул поток.

И, подойдя к сосне, что криво
Росла у самого обрыва,
И корни оглядев - гнилье!-
Он стал раскачивать ее.

И долго та работа длилась,
И камни падали в обрыв,
И с хрустом дерево свалилось,
Два берега соединив.

И он тропюю небывалой
На берег перешел другой,
И пот со лба отер усталой -
Уже не лапой, а рукой.

1954

ПЕРЕУЛОК ПАМЯТИ

Есть в городе памяти много домов,
Широкие улицы тянутся вдаль,
Высокие статуи на площадях
Стоят - и сквозь сон улыбаются мне.

Есть в городе памяти много мостов,
В нем сорок вокзалов и семь пристаней,
Но кладбищ в нем нет, крематориев нет,-
Никто в нем не умер, пока я живу.

Есть в городе памяти маленький дом
В глухом переулке, поросшем травой;
Забито окно, заколочена дверь,
Перила крыльца оплетает вьюнок.

...Когда это дело случится со мной,-
С проспектов стремительно схлынет толпа
И, за руки взявшись, друзья и враги
Из города памяти молча уйдут.

И сразу же трещины избороздят
Асфальт и высокие стены домов,
Витрины растают, как льдинки весной,
И башни, как свечи, начнут оплывать.

ПИСЬМЕНА

В этом парке стоит тишина,
Но чернеют на фоне заката
Ветки голые — как письма,
Как невнятная скоропись чья-то.

Осень листья с ветвей убрала,
Но в своем доброхотстве великом
Вместо лиственной речи дала
Эту письменность кленам и липам.

Только с нами нарушена связь,
И от нашего разума скрыто,
Что таит эта древняя вязь
Зашифрованного алфавита.

Может, осень, как скорбная мать,
Шлет кому-то слова утешений,—
Лишь тому их дано понимать,
Кто листья не услышит весенней.
1966

ПОД ЛУГОЙ

Не зная дорог и обочин,
Шагаю в лесной глубине.
Какие просторные ночи
Подарены осенью мне!

Под этим таинственным кровом
Земля — словно дальняя весть,
Весь мир темнотой зашифрован,
Его невозможно прочесть.

Он полон надежд и наитий,
В нем нет ни вещей, ни имен,
Он праздничен и первобытен,
Как в детстве приснившийся сон.

В нем спутала все расстоянья
Ночная нестрашная мгла —
Чтоб тайная радость незнанья,
Как в сказке, к открытьям вела.
1962

ПРАЗДНИК НА ЕЛАГИНОМ ОСТРОВЕ

Ракеты взлетают над лугом,
Над парком летят наугад.
Смотри, с каким детским испугом
За ними деревья следят.

Как будто сегодня не праздник,
И новый надвинулся бой,
Как будто готовятся к казни,
Не зная вины за собой.

Они улететь бы хотели
От этих веселых зарниц;
Трепещут их зыбкие тени
Крылами испуганных птиц.

Как будто в их памяти тайной
Под взлет карнавальных ракет
Зажегся тревожно-печальный
Военный, не праздничный свет.
1965

ПРИЯТЕЛЬНИЦЫ

В чащобе тихо, как во сне,
Течет зеленый быт.
Березка, прислонясь к сосне,
Задумчиво стоит.

Растут, как их судьба свела,
Стремятся обе ввысь -
Два тонких молодых ствола

Ветвями обнялись.

Посмотришь - дружбы нет сильней,
Покой да тишина.
А под землей - борьба корней,
Беззвучная война.
1955

* * *

Пусть ржут метафорические кони,
Поет стрела, летя издалека.
Я знаю сам, что жизнь - как на ладони
Та линия - ясна и коротка.

Не очень долго и не очень много
До отдыха последнего идти,
Но не грустна и не страшна дорога,
И есть о чем задуматься в пути...
1943

* * *

Путь капли по стеклу и путь огня в лесу,
Путь падающих звезд в душе своей несу,
Путь горного ручья, бегущего к реке,
И тихий путь слезы, скользящей по щеке.

Путь пули и пчелы несу в душе своей,
Пути ушедших лет, пути грядущих дней;
Шаги чужих невзгод и радостей чужих
Вплетаются в мой шаг, и не уйти от них.

Пусть тысячи путей вторгаются в мой путь,
Но если бы я смог минувшее вернуть,—
Его б я выбрал вновь — неверный, не прямой:
Он мой последний путь и первопуток мой.
1966

ПЯТОЕ

Любовь - это пятое время суток,-
Не вечер, не ночь, не день и не утро.
Придешь ты - и солнце сияет в полночь,
Уйдешь ты - и утро темнее ночи.

Любовь - это пятое время года,-
Не осень она, не весна, не лето,
Она не зима, а то, что ты хочешь,
И все от тебя одной зависит.

Любовь ни с чем на свете не схожа:
Не детство, не старость, не юность, не зрелость;
Любовь - это пятое время жизни.
1962

РЕКОРДЫ

Уже не помнят Лядумега,
Уже забыли наповал.
А как он бегал! Как он бегал!
Какую скорость выдавал!

Растут рекорды понемножку,—
И, новой силою полны,
По тем же гаревым дорожкам
Другие мчатся бегуны.

Бегут спортсмены молодые,
Легки, как ветер на лугу,—
Себе медали золотые
Они чеканят на бегу.

А славу в ящик не положишь,
Она жива, она жива,—
К тем, кто сильнее и моложе,
Она уходит — и права.

Она не знает вечных истин,
За нею следом не гонись.
Она сменяется, как листья
На древе, тянущемся ввысь.
1966

РЯДОМ С НЕБОМ

Мы все, как боги, рядом с небом
Живем на лучшей из планет.
Оно дождем кропит и снегом
Порой наш замечает след.

Но облачное оперенье
Вдруг сбрасывают небеса -
И сквозь привычные явления
Проглядывают чудеса.

...И лунный свет на кровлях зданий,
И в стужу - будто на заказ -
Рулоны северных сияний
Развертываются для нас,

И памятью об общем чуде
Мерцают звезды в сонной мгле,
Чтобы не забывали люди,
Как жить прекрасно на земле.
1961

СВОДЫ

Навек накрыв собой материки и воды,
Глядит небесный свод на все земные своды,
И солнца луч скользит, нетороплив и нежащ,
Над сводами мостов, дворцов, бомбоубежищ.

Висит небесный свод, как и во время оно,
Над сводами аллей — пристанищем влюбленных,
Над сводами церквей, высоко вознесенных,
Над сводами цехов, над сводами законов.

Пусть тать отбудет срок, покинет свод темницы,
Пусть Лазарь, воскресясь, покинет свод гробницы,
Пусть Нестор кончит труд под сводом кельи тесной,—
И вновь над нами свод, на этот раз — небесный.

Последний, вечный свод над ними и над нами,
На миллиарды лет пронизанный мирами.
Метну в его простор фотонную ракету —
Но нет пределов тьме и нет предела свету.

О, как мне разглядеть неясный лик природы?
Куда ни погляжу — повсюду своды, своды...
И даже свод небес разгадке не поможет:
Ведь это тоже свод,— а дальше, дальше что же?
1966

СКРОМНОСТЬ

Мы взглядом простор окинем,
Взойдя на бархан крутой.
Весною цветет пустыня,
Казавшаяся пустой.

Растенья-эфемериды
Так рады, выйдя на свет,—
Для грусти и для обиды
Минутки свободной нет.

Не жить им в разгаре лета,
Никто не обережет,—
Но травы тянутся к свету,
К солнцу, что их сожжет.

В их жизни, такой недлинной,
Многое им дано,—
Как мед в бутылки старинной,
Время их сгущено.

И рады они, как дети,
И славят ясные дни,
И пресного долголетия
Не просят себе они.
1963

СЛОВА

Много слов на земле. Есть дневные слова -
В них весеннего неба сквозит синева.

Есть ночные слова, о которых мы днем
Вспоминаем с улыбкой и сладким стыдом.

Есть слова - словно раны, слова - словно суд,-
С ними в плен не сдаются и в плен не берут.

Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.

Словом можно продать, и предать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить.

Но слова всем словам в языке нашем есть:

Слава, Родина, Верность, Свобода и Честь.

Повторять их не смею на каждом шагу,-
Как знамена в чехле, их в душе берегу.

Кто их часто твердит - я не верю тому,
Позабудет о них он в огне и дыму.

Он не вспомнит о них на горящем мосту,
Их забудет иной на высоком посту.

Тот, кто хочет нажиться на гордых словах,
Оскорбляет героев бесчисленный прах,

Тех, что в темных лесах и в траншеях сырых,
Не твердя этих слов, умирали за них.

Пусть разменной монетой не служат они,-
Золотым эталоном их в сердце храни!

И не делай их слугами в мелком быту -
Береги изначальную их чистоту.

Когда радость - как буря, иль горе - как ночь,
Только эти слова тебе могут помочь!

1956

* * *

Снимая тела и конечности,
И лица недобрых и добрых,
У всепобеждающей вечности
Мгновенья ворует фотограф.

Ты здесь посерьезнел, осунулся,
Но там, словно в утренней дымке,
Живешь в нескончаемой юности
На тихо тускнеющем снимке.

Там белою магией магия,
Короткою вспышкой слепую
Ты явлен из времени давнего
На очную ставку с собою.

Вглядись почестней и попристальней

В черты отдаленного брата,—
Ведь всё еще слышится издали
Внезапный щелчок аппарата.
1965

* * *

Собака сторожила гладиолусы,
Маячило ей счастье впереди,
И ветер на собаке гладил волосы
И ей шептал: "С надеждой вдаль гляди!"

Но грянул гром, помялись гладиолусы,
Их качественность снижена была.
Собака взвыла ненормальным голосом -
И умерла!

Из "Когда я был русалкой"

СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ

А где-то там, куда нам не вернуться
В далеком детстве, в юности, вдали,—
По-прежнему ревнуют, и смеются,
И верят, что придут корабли.

У возраста туда не отпроситься,—
А там не смяты травы на лугу,
И Пенелопа в выгоревшем ситце
Всё ждет меня на давнем берегу.

Сидит, руками охватив колено,
Лицом к неугасающей заре,
Нерукотворна, неприкосновенна,—
Как мотылек, увязший в янтаре.
1962

СТАТИСТИКА

Статистика, строгая муза,
Ты реешь над каждой судьбой.
Ничто для тебя не обуза,
Никто не обижен тобой.

Не всматриваешься ты в лица
И в душу не лезешь,— а все ж
Для каждой людской единицы
В таблицах ты место найдешь.

В радах твоей жесткой цифири,
В подсчеты и сводки включен,
Живу я, единственный в мире,
Но имя мое — легион.

Умру — и меня понемногу
Забудут друзья и родня.
Статистика, муза Итогов,
Лишь ты не забудешь меня!

В простор без конца и границы,
Бессмертной дорогой живых
Шагает моя единица
В дивизиях чисел твоих.
1966

СТЕНЫ ДВОРОВ

1

Загляну в знакомый двор,
Как в забытый сон.
Я здесь не был с давних пор,
С молодых времен.

Над поленницами дров
Вдоль сырой стены
Карты сказочных миров
Запечатлены.

Эти стены много лет
На себе хранят
То, о чем забыл проспект
И забыл фасад.

Знаки счастья и беды,
Память давних лет —
Детских мячиков следы
И бомбежки след.

2

Ленинградские дворы,
Сорок первый год,
Холостяцкие пиры,
Скрип ночных ворот.

Но зывают рупора,
Поезда трубят —
Не пора ли со двора
В райвоенкомат!

Что там плачет у ворот
Девушка одна?
— Верь мне, года не пройдет
Кончится война.

Как вернусь я через год —
Выглянь из окна,

Мы с победою придем
В этот старый дом,
Патефоны заведем,
Сходим за вином.

3

Здравствуй, двор, прощай, война.
Сорок пятый год.
Только что же у окна
Девушка не ждет?

Чья-то комната во мгле,
И закрыта дверь.

Ты ее на всей земле
Не найдешь теперь.

Карты сказочных планет
Смотрят со стены,—
Но на них — осколков след,
Клинопись войны.

4

Старый двор, забытый сон,
Ласточек полет,
На окне магнитофон
Про любовь поет.

Над поленницами дров
Бережет стена
Карты призрачных миров,
Ливней письма.

И струится в старый двор
Предвечерний свет...
Всё — как было с давних пор,
Но кого-то нет.

Чьих-то легоньких шагов
Затерялся след
У далеких берегов
Сказочных планет.

Средь неведомых лугов,
В вечной тишине...
Тени легких облаков
Пляшут на стене.
1963

СТИХИ ПРИРОДЫ

Окрестность думает стихами,
Но мы не разбираем слов.
То нарастает, то стихает
Шальная ритмика ветров.

Неся дожди на берег дымный,
В раструбы раковин трубя,
Моря себе слагают гимны —
И сами слушают себя.

И скачут горные потоки
По выступам и валунам,
Твердя прерывистые строки,—
Но только грохот слышен нам.

Лишь в день прощанья, в час ухода,
В миг расставальной тишины

Не шумы, а стихи природы,
Быть может, каждому слышны.

В них сплетены и гром и шорох
В словесную живую нить,—
В те строки тайные, которых
Нам негде будет разгласить.
1962

СТРАННЫЙ СОН

Мне сон приснился мрачный,
Мне снилась дичь и чушь,
Мне снилось, будто врач я
И бог еще к тому ж.

Ко мне больные реки
Явились на прием,
Вползли ручьи-калеки
В мой сумеречный дом.

К ногам моим припали,
Чтоб спас я от беды,
От едких химикалий
Ослепшие пруды.

Явились, мне на горе,
За помощью моей
Тюльпаны плоскогорий
И лилии полей.

Топча мою жилплощадь,
Пришли, внушая страх,
Обугленные рощи
На черных костылях.

Я мучился с больными —
Ничем помочь не мог.
Я видел — горе с ними,
Но я ведь только бог.

И я сказал: «Идите
Из комнаты моей
И у людей ищите
Защиты от людей».

1965

УДАЧА

Под Кирка-Муола ударил снаряд
В штабную землянку полка.
Отрыли нас. Мертвыми трое лежат,
А я лишь контужен слегка.

Удача. С тех пор я живу и живу,
Здоровый и прочный на вид.
Но что, если все это — не наяву,
А именно я был убит?

Что, если сейчас уцелевший сосед
Меня в волокуше везет,
И снится мне сон мой, удачливый бред
Лет эдак на двадцать вперед?

Запнется товарищ на резком ветру,
Болотная чвякнет вода,—
И я от толчка вдруг очнусь — и умру,
И все оборвется тогда.

1958

УМЕЙ

Умей, умеи себе приказывать,
Муштруй себя, а не вынянчивай.
Умей, умеи себе отказывать
В успехах верных, но обманчивых.

Умей отказываться начисто,
Не убоясь и одиночества,
От неподсудного ловкачества,
От сахараина легких почестей.

От ласки, платой озабоченной,
И от любви, достаток любящей,
И от ливреи позолоченной
Отказывайся — даже в рубище.

От чьей-то равнодушной помощи,
От чьей-то выморочной сущности...
Отказывайся — даже тонущий —

От недруга руки тянущейся!
1963

ФАНТАСТИКА

Как здесь холодно вечером, в этом безлюдном саду,
У квадратных сугробов так холодно здесь и бездомно.
В дом, которого нет, по ступеням прозрачным взойду
И в незримую дверь постучусь осторожно и скромно.

На пиру невидимок стеклянно звучат голоса,
И ночной разговор убедительно ясен и грустен.
- Я на миг, я на миг, я погреться на четверть часа.
- Ты навек, ты навек, мы тебя никуда не отпустим.

- Ты все снился себе, а теперь ты к нам заживо взят.
Ты навеки проснулся за прочной стеною забвенья.
Ты уже на снежинки, на дымные кольца разъят,
Ты в земных зеркалах не найдешь своего отраженья.
1969

ЭЛЕКТРОННАЯ СКАЗКА

Скромная звезда печали
Смотрится в мое окно.
Всё, о чем мы умолчали,—
Всё ей ведомо давно.

Всё, чем это сердце бьется,
Всё, о чем забыть хочу,
Прямо к ней передается
По незримому лучу.

Там я взвешен и исчислен,
Спрограммирован дотла,
Там мои читают мысли,
Знают все мои дела.

Там в хрустальных коридорах
Крылья белые шуршат,
У светящихся приборов
Там дежурные не спят.

Из иного измеренья,
Из холодного огня
Ангел долгого терпенья

Грустно смотрит на меня.

Может, скоро в дали дальней,
Сверив час и сверив год,
Он с улыбкою прощальной
Кнопку черную нажмет.
1964

* * *

Я мохом серым нарасту на камень,
Где ты пройдешь. Я буду ждать в саду
И яблонь розовыми лепестками
Тебе на плечи тихо опаду.

Я веткой клена в белом блеске молний
В окошко стукну. В полдень на углу
Тебе молчаньем о себе напомню
И облаком на солнце набегу.

Но если станет грустно нестерпимо,
Не камнем горя лягу я на грудь -
Я глаз твоих коснусь смолистым дымом:
Поплачь еще немного - и забудь...
1944

Я в темных поисках тону

Я в темных поисках тону,
Напрасно голову ломая, —
Как подобрать слова к тому,
Чего не выразишь словами.
1977

Древняя керамика

Мне флейты родниковой снится голос...
А. Кушнер

На вазе — флейтист, окруженный врагами,
Стоит, бессловесную песню слагает.
Пусть он безоружен и жизнь быстротечна, —
Поет его флейта о радости вечной.

Себя он от гибели не защищает, —
Убийцам он душу свою завещает.
— Сегодня меня вы убьете, убьете, —
А завтра слова к моей песне найдете!

Плясать не впервые и петь не впервые
По музыку мертвого будут живые.
В меня свои стрелы нацельте, нацельте, —
А я вам — на флейте, а я вам — на флейте!

Убейте, сожгите и пепел развейте, —
А я вам — на флейте, из пепла — на флейте!
1983

Космическая легенда

Расстрига, бездомный бродяга
Шагал по просторам Земли.
Вдруг видит: хрустальная фляга
Мерцает в дорожной пыли.

Он поднял. Прочел на сосуде:
«Здесь влага — волшебней вина,
Бессмертно-счастливейшим будет
Ее осушивший до дна».

В кусты он отбросил находку,
Промолвив себе самому:
— Добро б там вода или водка,
А счастье такое — к чему?

Коль смертны все люди на свете —
Бессмертья не надобно мне...
И дальше побрел по планете
С надеждою наедине.

В лохмотьях, в немыслимой рвани,
Побрел он за счастьем своим.
Всплакнули инопланетяне,
Следившие тайно за ним.

Им стал по-семейному близок
Мудрец, не принявший даров, —
И Землю внесли они в список

Неприкосновенных миров.
1981

Фортуна

Все мы в чем-то виноваты,
И за это день за днем
Старый Рок, Судьба и Фатум
Судят всех своим судом.

Дарят горькие сюрпризы,
Шлют нам тысячи невзгод,
И хотят, чтоб маслом книзу
Падал каждый бутерброд.

Но не зря с улыбкой юной,
Без дорог и без орбит,
Бродит девочка Фортуна,
Беззащитная на вид.

Вдруг, забыв про все препоны,
Выручает нас шутя
Статистическим законам
Неподвластное дитя;

Обезвреживает раны,
Гонит хвори со двора,
Отклоняет ураганы
И спасает крейсера;

И отводит все напасти,
И отпетых бедолаг
Отovarивает счастьем
Не за что-то — просто так.

Чтобы меньше было плача
И нечаянных утрат,
Ходит девочка Удача.
Всех прощая наугад.
1978

Отметая от бывшего
За незримую черту

Цепкой зависти полову,
Мелких распрей суету.

Очищайте забываньем
Закрома души своей, —
Чтобы хлеб воспоминаний
Не горчил на склоне дней.
1966

Книга обид

Есть у каждого тайная книга обид.
Начинаются записи с юности ранней.
Даже самый удачливый не избежит.
Неудач, несвершенных надежд и желаний.

Эту книгу пред другом раскрыть не спеши,
Не листай пред врагом этой книги страницы, —
В тишине, в несгораемом сейфе души
Пусть она до скончания века хранится.

Будет много распутий, дорог и тревог,
На виски твои ляжет нетающий иней, —
И поймешь, научившись читать между строк,
Что один только ты в своих бедах повинен.
1970

Друг не со зла порой обидит нас...

Друг не со зла порой обидит нас —
И другом быть перестает тотчас;
Но как легко прощаем мы друзьям
Обиды, причиненные не нам!
1977

Чем дальше в будущее входим...

Чем дальше в будущее входим,
Тем больше прошлым дорожим,
И в старом красоту находим,
Хоть новому принадлежим.

Но, как веревочка ни вьется,

Добру вовеки быть добром,
И непощенным остается
Зло, совершенное в былом.
1970

Природа все учла и взвесила...

Природа все учла и взвесила.
Вы, легкодумные стрелки,
Не нарушайте равновесия
И зря не жмите на курки.

Вот кружит ястреб. Вредный вроде бы.
Но пусть летает, невредим:
Кому-то вреден, а природе он
Полезен и необходим.

Ты рай себе уютный выстроил,
Но без тревог не проживешь.
Убьешь печаль — но тем же выстрелом
И радость, может быть, убьешь.
1958

Ступени

Завидовал кто-то птицам,
Но был не из рода Дедалов, —
Чтоб медленно ввысь возноситься,
Он лестницу вырубил в скалах.

Другому в долину спуститься
Хотелось, чтоб жить там получше, —
Спуститься и чтоб не разбиться,
Он лестницу вырубил в круче.

Ступени — замена полета,
Ступени — замена паденья,
Ступени — работа, работа,
Терпенье, терпенье, терпенье.

Я к небу медленно лезу,
Ступени ввысь прорубаю,
Я гору железом, железом

Долбаю, долбаю, долбаю.

Пусть ангелы в горнем полете
Смеются над неокрыленным;
Не богу — работе, работе
С киркой отбиваю поклоны.

Усилья, усилья, усилья,
Спина — будто натертая кровью.
А вдруг это крылья, крылья
Проклеваются с болью?
1967

Есть улыбки — как награды...

Есть улыбки — как награды,
Хоть от радости пляши;
Есть убийственные взгляды —
Артиллерия души.

Есть молчание согласия,
Праздничная тишина;
Есть молчанье поопасней,
Есть молчание — война.
1977

Ты в былое свое оглянись

Ты в былое свое оглянись:
Все — от камня и до человека —
Торжествующе тянется ввысь,
Как в возвышенном мире Эль Греко.

И чем дальше уходят года,
Тем властительней и своевольней
Память строит свои города
И надстраивает колокольни.

Память ставит своих часовых
У черты, у расстанного круга,
И покуда мы живы — в живых
Оставляет убитого друга.

И порою, не помня имен,
Все исходы забыв и невзгоды,
На полянах ушедших времен
Водит праздничные хороводы.
1971

Спросил у памяти

Стоит ли бывшее вспоминать,
Брать его в дорогу, в дальний путь?
Все равно — упавших не поднять,
Все равно — ушедших не вернуть,

И сказала память: «Я могу
Все забыть, но нищим станешь ты,
Я твои богатства стерегу,
Я тебя храню от слепоты».

В трудный час, на перепутьях Лет,
На подмогу совести своей
Мы зовем бывшее на совет,
Мы зовем из прошлого друзей.

И друзья, чьи отлетели дни,
Слышат зов — и покидают ночь.
Мы им не поможем, — но они
К нам приходят, чтобы нам помочь.
1963

Душа — общежитье надежд и печалей...

Душа — общежитье надежд и печалей.
Когда твое тело в ночи отдыхает,
О детстве, о сказочно-давнем начале
Во сне потаенная память вздыхает.

И снятся мечте неземные открытья,
И лень, чуть стемнеет, все лампочки гасит,
И совесть — ночной комендант общежитья —
Ворочает на железном матрасе.

И дремлет беспечность, и стонет тревога —
Им снятся поля, окропленные кровью,

И доблесть легла отдохнуть у порога,
Гранату себе положив к изголовью.

А там, у окна, под луною вечерней,
Прощальным лучом озаренная скудно,
На праздничном ложе из лилий и терний
Любовь твоя первая спит непробудно.
1968

В кинозал, в нумерованный рай...

В кинозал, в нумерованный рай,
Я войду и усядусь на место.
Я ведь зритель — мне что ни играй,
Всё равно мне смотреть интересно.

Знаю, кончится дело добром,
И героя звезда не угаснет,—
Но подальше, на плане втором,
Будет будничней всё и опасней.

Вдруг возникнет болотная гать,
Напряжённно-усталые лица.
Пулемёт, не умеющий лгать,
Застрочит — и нигде не укрыться.

И покуда ведущий артист
Обзаводится нужною раной,
Нанятой за десятку статист
Упадёт и не встанет с экрана.

И оттуда на тёплый балкон,
И в партер, и в уютные ложи
Вдруг потянет таким сквозняком,
От которого холод по коже.
1965

Выпускающий птиц

В квартире одной коммунальной,
Средь прочих прописанных лиц,
Живёт пожилой и печальный
Чудак, выпускающий птиц.

Соседи у рынка нередко
Встречают того чудака —
С большой самодельною клеткой
Стоит он у зоолярька.

С полочки своей небогатой
Накупит чижей и синиц
И за город едет куда-то
Чудак, выпускающий птиц.

Плывут мимо окон вагонных
Сады и асфальт автострад;
На месте посёлков сожжённых
Другие, не хуже, стоят.

Качаются дачные сосны,
И речки прозрачны до дна,
И даже сквозь грохот колёсный
Земная слышна тишина.

А всё же душа не на месте,
И радости нет в тишине:
Без вести, без вести, без вести
Пропал его сын на войне.

И вот полустанок невзрачный
У стыка рокадных дорог...
В болотистом месте, не дачном,
Рубеж обороны пролёт.

Отыщет старик не впервые
Пехотной дивизии тыл,
Где встали цветы полевые
На холмики братских могил.

Но где преклонить ему взоры,
Куда ему сердцем припасть,
Где холмик найти, над которым
Он мог бы заплакаться всласть?..

Он с клетки снимает тряпицу,
Потом открывает её, —
Молчат присмирившие птицы
И в счастье не верят своё.

Но крылья легки и упруги,
И радость растёт на лету, —
В каком-то счастливом испуге
Взмывают они в высоту.

Летят над землёю зелёной,
Летят без дорог и границ,
И смотрит на них умилённо
Старик, выпускающий птиц.
1956

Цветные стекла

Покинул я простор зеленый
И травы, росшие внизу,
Чтобы с веранды застекленной
Смотреть июльскую грозу.

И, в рамы тонкие зажатый,
Такой привычный, но иной,
На разноцветные квадраты
Распался мир передо мной.

Там через поле шла корова,
И сквозь стекло была она
Сперва лилова и багрова,
Потом желта и зелена.

Но уж клубились вихри пыли,
И ливень виден был вдали,
И в пестром небе тучи плыли,
Как боевые корабли.

И, точно пламенем объята,
Сосна, где с лесом слился сад,
Вдруг из зеленого квадрата
В багровый вдвинулась квадрат.

И разбивались о карнизы
Потоки крупного дождя,
И пылью опускались книзу,
Из цвета в цвет переходя.

И тучи реяли, как флаги
На древках молний,
И во мгле
Чертили молнии зигзаги
И льнули к трепетной земле.

Так, по земле тоской объята
Под ветра судорожный вой
Они прошли
Сквозь все квадраты —
И цвет не изменили свой.
1939

Орфей

Глядя в будущий век, так тревожно ты, сердце, не бейся:
Ты умрешь, но любовь на Земле никогда не умрет.
За своей Эвридикой, погибшей в космическом рейсе,
Огнекрылый Орфей отправляется в звездный полет.

Он в пластмассу одет, в сверхтвердые сплавы закован,
И на счетных машинах его программирован путь, —
Но любовь есть любовь, и подвластен он древним законам,
И от техники мудрой печаль не легчает ничуть.

И сойдя на планете неведомой, страшной и дивной,
Неземным бездорожьем с мечтою земною своей
Он шагает в Аид, передатчик включив портативный,
И зовет Эвридику, и песню слагает о ней.

Вкруг него подчиненно нездешние твари толпятся,
Трехголовая тварь перепончатым машет крылом,
И со счетчиком Гейгера в ад внеземных радиаций
Сквозь леса из кристаллов он держит свой путь напролом.

...Два зеленые солнца, пылая, встают на рассвете,
Голубое ущелье безгрешной полно тишиной, —
И в тоске и в надежде идет по далекой планете
Песнопевец Орфей, окрыленный любовью земной.
1961

Любовь - это пятое время суток

Любовь - это пятое время суток,-
Не вечер, не ночь, не день и не утро.
Придешь ты - и солнце сияет в полночь,
Уйдешь ты - и утро темнее ночи.

Любовь - это пятое время года,-
Не осень она, не весна, не лето,
Она не зима, а то, что ты хочешь,
И все от тебя одной зависит.

Любовь ни с чем на свете не схожа:
Не детство, не старость, не юность, не зрелость;
Любовь - это пятое время жизни.